

УДК 94(470.6).083

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.5>

Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева

ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПРАВОВОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ОСЕТИИ НАЧАЛА XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ)¹

В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с процессом распространения русского языка в Осетии во второй половине XIX – начале XX в., центральное место среди которых занимала проблема родного языка, оказавшегося на периферии образовательной деятельности местной начальной школы. Статья подготовлена на основе широкого круга разноплановых источников, в том числе законодательно-правовых актов, с преимущественным использованием материалов газетной периодики начала XX в., издававшейся в Терской области. Анализ документальных материалов показал, что распространение русского языка на северокавказской окраине и ее языковая «русификация» обеспечивались правовой поддержкой со стороны законодателя в силу его имманентной значимости маркера российской государственности. Основное внимание в статье уделено анализу публицистического дискурса начала XX в., сложившегося в Осетии в связи с положением осетинского языка в начальной школе, которому отводились функции вспомогательного средства для освоения русского языка. Рассмотрены основные идеи и положения, высказанные представителями осетинской интеллигенции и нашедшие отражение на страницах региональной периодической печати. Признанные в Осетии педагогические авторитеты, писатели и общественные деятели выступали в защиту родного языка, оказавшегося перед угрозой полного забвения на периферии учебно-образователь-

ной работы и потерявшего свои изначальные функции народного воспитателя и педагога. Признавая объективность факторов, определивших второстепенный статус осетинского языка (отсутствие в течение длительного времени учебников, учебных пособий и методических материалов для осетинских школ и пр.), публицисты выступали с требованиями о переводе начального обучения на родной язык учащихся, которые были поддержаны высшей кавказской администрацией. Вместе с тем передовая осетинская общественность признавала историческую обусловленность необходимости освоения горцами русского языкового пространства как фактора, смягчающего болезненный процесс адаптации к новым реалиям и обеспечивающего движение к гражданскому универсуму. Сохранение на этом пути родного языка как ядра национальной культуры воспринималось как нравственный долг интеллигенции, императив ее созидательной деятельности.

Ключевые слова: Осетия, русский язык, осетинский язык, «русификация», начальная школа, интеллигенция, региональная периодическая печать.

Для цитирования: Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В. Языковая проблематика в правовом и общественном дискурсе Осетии начала XX в. (на материалах региональной периодики // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 563–569. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.5

Elena I. Kobakhidze, Berta V. Tuaeua

LANGUAGE PROBLEMS IN THE LEGAL AND PUBLIC DISCOURSE OF OSSETIA IN THE EARLY XX CENTURY (BY THE MATERIALS OF THE REGIONAL PERIODICALS)²

The article considers a set of issues related to the process of spreading the Russian language in Ossetia in the second half of the 19th – early 20th centuries, among which the problem of the native language occupied a central place as it was on the periphery of the educational activities of the local elementary school. The article based on a wide range of diverse sources, including legislative acts, with the primary use of materials from newspaper periodicals of the early 20th century, published in the Terek region. An analysis of documentary materials showed that the spread of the Russian language in the North Caucasian outskirts and its linguistic “Russification” was provided with legal support due to its immanent significance as a marker of Russian statehood. The main attention in the article is paid to the analysis of the journalistic discourse of early 20th century formed in Ossetia relatively the position of the Ossetian language in elementary school, which was assigned the functions of an auxiliary tool for mastering the Russian language. The main ideas and provisions expressed by representatives of the Ossetian intelligentsia and reflected in the pages of the regional periodical press are considered. Pedagogical authorities recognized in Ossetia, writers and public figures spoke out in defense of the native language, which faced the threat of complete oblivion on the periphery

of educational work and lost its original functions of a folk educator and teacher. Recognizing the objectivity of the factors that determined the secondary status of the Ossetian language (the absence for a long time of textbooks, teaching aids and methodological materials for Ossetian schools, etc.), publicists came out with demands for the translation of primary education into the native language of pupils, which were supported by the highest Caucasian administration. At the same time, the advanced Ossetian public recognized the historical conditionality of the need for the mountaineers to master the Russian language space as a factor that softens the painful process of adaptation to new realities and ensures movement towards a civil universe. The preservation of the native language as the core of the national culture along this path was perceived as a moral duty of the intelligentsia, an imperative of its creative activity.

Key words: Ossetia, Russian language, Ossetian language, “Russification”, elementary school, intelligentsia, regional periodicals.

For citation: Kobakhidze E. I., Tuaeua B. V. Language problems in the legal and public discourse of Ossetia in the early XX century (by the materials of the regional periodicals) (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 563–569. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.5

- 1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00239 А «Государственный язык как инструмент социокультурных трансформаций на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.)»
- 2 The article was written with the financial support of the RFBR within the scientific project No. 20-09-00239 A «The state language as an instrument of socio-cultural transformations in the North Caucasus (the second half of the 19th - early 20th century)».

Одним из ключевых инструментов реализации государственной национальной политики Российской империи являлся государственный (русский) язык, исполнявший также важные консолидирующие функции, объединяя разнородное население страны в едином социальном и культурном поле. Однако отсутствие у государства устойчивой языковой стратегии обуславливало недостаточную вариативность культурно-языковой политики и ее зависимость от целого ряда сопряженных социально-политических и этнодемографических факторов. И если в отдельных окраинных провинциях империи распространение русского языка связывалось с насильственной «русификацией» и культурно-языковой ассимиляцией, то на Северном Кавказе этот процесс привел в конечном итоге к формированию в местной среде позитивных мотиваций к усвоению государственного языка, наиболее очевидных в Осетии как регионе с более высоким по сравнению с другими северокавказскими областями уровнем развития образования. Активное внедрение русского языка в повседневный быт местного социума инициировало различные виды социальной активности – от осознания и формулирования в публицистическом пространстве ряда вопросов, возникших в процессе распространения в регионе русского языка, до участия разных групп населения в формировании социокультурной инфраструктуры на русской культурно-языковой основе (библиотеки, музеи, культурно-просветительские общества, читальни, театры и пр.).

Совершенно особое место в процессе языковой русификации окраинного населения занимала начальная школа, проблемы которой живо дискутировались в региональной периодической печати конца XIX – начала XX в. Среди всего комплекса вопросов, касающихся школы, наиболее болезненным был вопрос о положении родного языка в учебной программе, широко и горячо обсуждавшийся передовой осетинской общественностью.

Прежде чем говорить о рефлексии осетинской интеллигенции на сложившуюся в Осетии культурно-языковую ситуацию, как в капле отразившуюся в местной начальной школе, кратко остановимся на характеристике правовой базы, обеспечившей русскому языку доминирующие позиции в сфере образования, в частности в ее северокавказском сегменте.

Впервые приоритет русского языка в процессе преподавания в местных учебных заведениях не только среднего, но и начального уровня, был закреплен «Положением о Кавказском учебном округе» 1853 г., разработанным с учетом пожелания императора Николая I о необходимости сближения региональной образовательной системы с общероссийской [14]. «Положение о начальных народных училищах» 1864 г., адаптированное для Кавказа в 1867 г. по инициативе наместни-

ка вел. кн. Михаила Николаевича в виде особого «Положения об учебной части на Кавказе и за Кавказом» [11], подтвердило намерение правительства унифицировать систему народного просвещения в регионе в соответствии с общероссийской и вводило в учебные программы русский язык в качестве языка преподавания, местные же языки («природные») значились в программах в качестве отдельной учебной дисциплины, но в первый год обучение велось на родных языках, чтобы дети, ознакомившись с азами грамоты родной речи, могли переходить к освоению русского языка и таким образом, посредством языка, приобщаться к русской культуре и усваивать основные «гражданские» понятия. Именно образованию горцев наместник придавал значение одной из самых важных и самых радикальных мер, ведущих к «прочному нравственному скреплению горских народностей с Россиею», полагая, что «только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности» [3, с. 98-99].

Реформы в сфере образования первой половины 1870-х гг. создали условия для формирования в стране унифицированной многоступенчатой системы народного просвещения, для каждого из уровней которого Министерством народного просвещения (МНП) были приняты соответствующие Уставы (1871 – 1873). Их реализация в Кавказском учебном округе регламентировалась специально принятыми Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения (1873) [13]. В соответствии с этим документом на низшие казенные, общественные и частные учебные заведения (в том числе и церковно-приходские школы иноверческих вероисповеданий) распространялось действие общего закона относительно обязательности преподавания русского языка, а также русской истории и географии на русском же языке в тех из них, где эти предметы были предусмотрены образовательными программами. Церковные школы, находившиеся в ведении Св. Синода и его институтов, под прямое действие этого закона не попадали, однако их работа основывалась на учебных программах, утвержденных МНП. Это значило, что образовательная практика школ строилась в соответствии с приоритетами, обозначенными государством, в том числе касающимися роли русского (государственного) языка в учебном процессе. Для кавказских начальных школ, находившихся в ведении Общества восстановления православного христианства на Кавказе, уже в следующем, 1874 г., были специально приняты «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе», в которых подчеркивалась необходимость распространения русского языка [8, с. 134], что

принципиально отличало их от аналогичных Правил редакции 1863 г., где «природный язык» еще значился языком начального обучения [8, с. 118]. Таким образом, правовая база государственной образовательной политики на Северном Кавказе, сформировавшаяся во второй половине XIX в., обеспечила русскому языку доминирующие позиции в начальной школе уже в 1870-х гг., что можно считать одним из наиболее весомых результатов реализации в крае образовательных реформ.

Последним в XIX-м столетии актом, разработанным для образовательной сферы и имеющим обязательную силу, стало издание в 1897 г. МНП примерных программ дисциплин, преподаваемых в начальных училищах, в которых подтверждалась позиция русского языка как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях [9, с. 227]. Тогда же, на основании отдельного закона, русский язык стал обязательным для преподавания и в школах для «иностранных колонистов», на родном же языке разрешалось преподавание лишь богослужебных дисциплин (см.: [12]).

Наступление XX в. существенных изменений в кавказскую школу не принесло – ее деятельность строилась на основе правовой базы, сформированной в предшествующие десятилетия, а проблема языковой «русификации» региональной образовательной среды практически исчезла из правового поля. Но, как показал анализ материалов законодательно-правового характера, опубликованных в различных документальных сборниках (главным образом, в Полном собрании законов Российской империи (3 собрание), ведомственных изданиях (Сборниках постановлений по Министерству народного просвещения, Сборниках распоряжений по Министерству народного просвещения и др.) и относящихся к концу XIX – первому десятилетию XX в., вопросы, связанные с функционированием русского языка в общеимперском пространстве, по-прежнему занимали законодателя. В этот период статус русского языка укреплялся главным образом в официально-деловой сфере за счет унификации и профессионализации языка делопроизводства, выработки стандартов деловой коммуникации и расширения пространства функционирования путем включения в него северо-западных регионов Российской империи.

Но если в предшествующие десятилетия мероприятия властей по укреплению позиций русского языка имели, скорее, спонтанный характер, а сам статус языка по существу никак не определялся (его значение как языка государственного лишь подразумевалось как само собой разумеющееся условие принятия общегражданских ценностей и идей российской государственности всеми жителями империи), то уже в начале нового века положение русского языка в системе маркеров российской государственности было,

наконец, закреплено законодательно: ст. 3. Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. декларировала его общегосударственный статус и обязательность употребления во всех государственных и общественных учреждениях страны одновременно с ограничением практики использования в официальном дискурсе местных языков. Уже с конца XIX в. русский язык вводился в качестве языка делопроизводства в административных учреждениях и в образовательную практику высших учебных заведений на всей территории Российской империи, включая прежде относительно автономные в языковом отношении территории Северо-Западного края. Утверждение русского языка как общегосударственного завершило процесс законодательного оформления его государственного статуса, и с 1907 г. вопросы, касающиеся его функционирования в официальном дискурсе, теряют свою актуальность.

Понятно, что протекционистская политика государства в отношении русского языка обеспечивала ему безусловные доминирующие позиции в образовательном процессе, особенно на его начальных уровнях, что было предопределено прежде всего его государственной (социально-политической) миссией. Значение государственно-язык обретал в силу его функционирования в качестве средства распространения в окраинной иноэтничной среде начал «государственности» и «гражданственности», способствуя таким образом включению местного «инородческого» населения в государственно-правовое пространство империи. С другой стороны, русский язык рассматривался как некое связующее начало, обеспечивающее единение пестрого в социокультурном отношении «инородческого» населения страны с русским народом, приобретая таким образом консолидирующие функции. Наконец, русский язык был языком православного «ядра» империи и на «иноверных» окраинах служил для распространения и утверждения в местной среде начала христианского вероучения. Вот почему и школа для горцев Кавказа задумывалась как школа русская, «дабы учившиеся в ней осетины, самурзаканцы, абхазцы и др. впоследствии могли примкнуть к цивилизации русской, выработавшейся по европейскому образцу гражданственности, так как вследствие сложившихся исторических обстоятельств эти народы должны идти с русскими людьми, оставив в стороне свою жалкую особенность» [10, л. 2].

Помимо общей установки на определяющую роль русского языка в учебном процессе в кавказских школах существовали и иные факторы, не позволявшие детям учиться на родном языке даже несмотря на некоторые послабления в этом вопросе в 60-70-х гг. XIX в., когда, к примеру, в осетинских школах ведения Общества восстановления православного христианства на

Кавказе первый год-полтора для учеников, еще не освоившихся с русской грамотой, в качестве языка обучения вводился осетинский. Во-первых, сложно было найти достаточное количество подготовленных учителей, одинаково свободно владевших как осетинским, так и русским языками. Во-вторых, свою роль играло и то обстоятельство, что осетинский язык долгое время был бесписьменным.

Первая печатная книга на осетинском языке «Начальное учение человекам, хотящим учиться книг Божественного Писания» увидела свет лишь в 1798 г., представляя собой осетинский перевод краткого катехизиса и заповеди, переведенные со старославянского с параллельным русским текстом. Сборник включал наставления для лиц, обращаемых в христианство, с кратким изложением основ вероучения в форме вопросов и ответов и содержал осетинский букварь на кириллице. Первый алфавит осетинского языка на кириллической основе был разработан А. Шёгреном, изложившим результаты почти десятилетнего изучения осетинского языка в знаменитом труде «Осетинская грамматика», опубликованной в 1844 г. Его работа имела решающее значение в судьбе осетинской письменности, «его азбукой... осетины до сего времени печатают свои книги и пишут. По его грамматике изучало свой родной язык старшее поколение осетинской интеллигенции. Эта же грамматика, с необходимыми поправками и дополнениями, ляжет в основание будущих руководств по осетинской грамматике, если, конечно, таковым суждено когда-нибудь появиться», – оценивали вклад Шёгрена в развитие национальной культуры осетинские просветители в начале XX в. [19]. В 1861 г. на основе грамматики Шёгрена архимандрит Иосиф (И. И. Чепиговский), управляющий осетинскими приходскими и духовно-учебными заведениями Военно-Осетинского округа, подготовил букварь для приходских школ Осетии. Письменный осетинский язык развивался главным образом за счет переводов богослужебной литературы (с использованием как кириллической, так и грузинской графики), которые использовались при прохождении в школах курса Закона божьего и церковного пения. В 1884 г. «неутомимый Владикавказский епископ» Иосиф издает свой капитальный труд – «Русско-осетинский словарь с краткою осетинскою грамматикой».

Первый официальный учебник осетинского языка для школ появился лишь в 1890 г., а напечатан в следующем, 1891 г. – это был «Осетинский букварь» («Райдиан чиныг») А. Канукова, выдержавший впоследствии несколько изданий. На 90-е гг. XIX в. приходится и публикация первых светских произведений, созданных на осетинском языке – «Æфхæрдты Хæсанæ» А. Кубалова (1897) и «Ирон фæндыр» К. Хетагурова (1899).

Даже утвержденный кавказским наместником вел. кн. Михаилом Александровичем в 1881 г. учебный план, рекомендовавший первый год обучения в школе вести только на родном языке учащихся, не мог повлиять на ситуацию в целом – осетинский язык оставался лишь вспомогательным средством для изучения русского языка. Даже если осетинский язык и проходил в начальных классах, то преподавание его тормозилось отсутствием учебников и методических руководств на этом языке. «Больше этого в то время на осетинском языке ничего, действительно, нельзя было делать. Преподавание предметов на осетинском языке не могло вестись, потому что не было осетинского учебника; если же он, осетинский язык, как предмет преподавания, не входил в упомянутый курс, то это нужно объяснять тем, что и литературы на этом языке никакой не было», – признавал известный в Осетии педагог и просветитель Х. Уруймагов (цит. по: [1, с. 38]).

Однако интенсивно протекавшие процессы социально-экономического и культурного развития в Осетии в пореформенный период, проникновение и широкое распространение урбанизированных форм организации социальной жизни вкупе со все возрастающим спросом на образование привели к качественным изменениям в социокультурном пространстве региона, в котором своей активностью выделялась молодая национальная интеллигенция. Вторая половина XIX – начало XX в. в истории Осетии по праву считается эпохой национального возрождения, содержание которой определяли процессы кристаллизации национального самосознания и «интенсивное строительство профессиональных основ национальной культуры» [1, с. 38]. Осознание родного языка как центрального ядра национальной культуры и его ключевой роли в сохранении национальной идентичности стало тем идейным фундаментом, на котором строилась культурная деятельность ее ярких представителей.

Положение осетинского языка, «забытого» в церковно-приходской школе и вытесненного оттуда русским языком как языком обучения и старославянским – как языком богослужения стало острым сюжетом для широкого общественного обсуждения, в том числе на страницах региональной периодики. Давая ретроспективную оценку языковой ситуации, сложившейся в начальной школе, публицисты, в числе которых были передовые представители осетинской педагогической интеллигенции, объясняли ее объективно существовавшими причинами, в числе которых не только отсутствие методической базы для успешного функционирования осетинского языка в начальной школе, но и общая нацеленность государственной образовательной политики на скорейшую «русификацию» «инородцев» на основе русского же языка. Именно в 1880-е гг. школа

стала мощным русификаторским фактором, превратившись на Кавказе в «ведомственное орудие для преследования исключительно миссионерских целей» [16]. Основное внимание в учебном процессе уделялось Закону божьему, который «из предмета морали превращается в предмет обучения» [18], из школы «изгоняются» учебники передовых педагогов (например, «Родное слово» К. Д. Ушинского), «осетинский язык в загоне...» (цит. по: [7, с. 350]), и, помимо прочего, для детей, еще не освоившихся с русским языком, вводится изучение церковно-славянского.

Организация учебного процесса, в котором чрезвычайно мало времени уделяется изучению родного языка, вызвала резкую критику передовой осетинской общественности и в начале XX в., последовательно отстаивавшей необходимость преподавания в школах на родном языке, поскольку «тогда дела пойдут лучше» (Х. Уруймагов) [17, с. 104]. Пробудившаяся в народе потребность в просвещении требовала поддержки, которая могла быть обеспечена учебниками и литературой на родном языке. «Грамотность и грамотность на родном языке, “родная книжка”, вот где волшебный ключ к разрешению неразрешенных до сих пор вопросов о разоружении или вооружении горцев, о религии, сословиях, экономике, о разбоях, мести, калымах и других вредных обычаях. Это самое верное, дешевое, скорое лекарство для наших болезней», – именно в этом, по мнению публициста, должны заключаться социальный смысл и настоящая цель образовательной политики по отношению к горцам Кавказа [15, с. 79].

Но, как бы убедительно ни звучали слова осетинской интеллигенции в поддержку родного языка в учебной практике начальной школы, из регионального образовательного пространства он уходил. Это не могло не тревожить кристаллизующееся национальное самосознание, поскольку за утерей родного языка виделось обезличивание самого народа, так как «в родном языке, как воплощении личности нации, каждый народ выражает свое понимание всего существующего, выражает то, что скрывается в недрах народа. В языке видно все содержание духа целого народа», – выражал общее мнение осетинской интеллигенции Г. Дзасохов, публицист, педагог и известный в Осетии общественный деятель, горячо отстаивавший необходимость поддержки родного языка и указывавший на его несомненные воспитательные и образовательные функции в подготовке подрастающего поколения к будущей жизни [6]. Аргументируя свои взгляды, Дзасохов обращается к авторитету К.Д. Ушинского как родоначальника научной педагогики. «По словам К.Д. Ушинского, – отмечает публицист, – первоначальное образование надо вести непременно на родном языке, и только после того, когда ребенок

станет свободно владеть родным словом, когда он научится мыслить на родном языке, можно ожидать положительных результатов от изучения им чуждого языка... язык каждого народа создан самим народом, а не кем-нибудь другим», и, опираясь на высказанные Ушинским мысли, заключает: «Родной язык – есть и самый первый, и самый великий педагог». Задаваясь вопросом «теряют ли что-нибудь инородцы с потерей своего родного языка?», Дзасохов утверждает: «Да, теряют и теряют очень много» [6].

Критически подходу к оценке правительственной политики русификации «инородческого населения» Кавказа и ее ясно читаемых результатов, публицисты пишут о ее изначальной ущербности и недальновидности: «обезличивание инородцев» в целях их скорейшего обрусения и приобщения к «русской гражданственности» приведет только к тому, что они, эти «инородцы», «искаленные» с потерей родного языка, вряд ли смогут составить «здоровый элемент в организме русского государства».

Однако публицист в общем не возражает против цели «обрусения» – формирования определенного государственного единства, предлагая «рациональный» путь для ее лучшего достижения: предоставление свободы в изучении родного языка. Только таким образом, «развившись на своей почве», горцы смогут постепенно влиться в единый государственный организм. «Цивилизация может объединить воедино и говорящих на разных языках», – заключает Дзасохов. Средством же, способствующим «привитию» горцам гражданственности, автор считает образование [6].

Голос кавказской интеллигенции был услышан и на верхних этажах кавказской администрации (см.: [2, с. 115]). И. И. Воронцов-Дашков, занявший высшую должность после восстановления Кавказского наместничества, предложил широкую программу реорганизации кавказской школы (предусматривающую в том числе открытие в регионе собственного учреждения высшего образования) [2, с. 113–120]. Его план «умиротворительной политики», предложенный в 1907 г., содержал четко разработанные рекомендации по устройству народного образования на всех его уровнях и учитывал конструктивный потенциал преподавания в школах на родных языках учащихся в бесконфликтном решении «национального вопроса» на Кавказе. Указывая на принудительный характер обучения русскому языку в местных школах, наместник видит в этом не только проблемы с качеством образования и «понижением умственного развития обучаемых в низшей школе», но – шире – ущемление национального чувства, «которое на Кавказе, в силу особых исторических причин, у всех крайне повышено», и еще более – «угнетение своей национальности и насильственное обрусение» [2, с. 107]. Наместник констатирует

с сожалением, что в результате проводившейся на Кавказе с 80-х гг. школьной политики, направленной на борьбу с местными языками, школа была скомпрометирована, и убеждает в целесообразности применения на Кавказе системы Н. И. Ильминского как наилучшим образом отвечающей задаче просвещения «инородцев» и сближения их с русским народом «на началах взаимного уважения и доверия» [2, с. 115].

Говоря же о движении кавказской интеллигенции в поддержку родных языков и обеспечения им статуса обязательных в учебном процессе, Воронцов-Дашков проводит мысль о необходимости изменения государственной образовательной политики по отношению к Кавказу [2, с. 115–116], к которому «нельзя применять общего шаблона» [4, с. 33].

В то же время прогрессивно настроенной осетинской общественностью признавалось решающее значение русской школы и русского языка в движении народа к формированию общероссийской гражданской идентичности. На страницах печати высказывались даже мысли об утопичности идеи развития собственной школы у кавказских народов и скудости человеческого потенциала для создания национальной литературы: «Племена кавказские никогда не будут иметь своей школы. Вопрос этот историей уже решен. Над чем же тут еще ломать копья!» – жестко, если не пессимистично, заключает Г. Дзасохов и продолжает: «Отдельные лица, вроде Коста Хетагурова, всегда могут появиться и писать стихи на всех языках. Но для создания литературы творений этих единиц очень мало» [5, с. 223]. Он уверен, что необходимо здраво оценивать действительность и, вооружившись ясно осознанной программой действий, отделять фантазии от осуществимых идей. Главное для народа – это просвещение, а оно в свою очередь заключается в «усвоении русской гражданственности...» Только русская школа и

русский язык для инородцев, по мнению автора, – единственный путь приобщения к русской и европейской культуре, а это в свою очередь требует более серьезного внимания к практике преподавания русского языка в инородческой школе [5, с. 223–224].

В качестве дополнительных каналов распространения русского языка и достижений современной науки среди кавказских народов Дзасохов предлагает задействовать разнообразные формы организации культурно-просветительской деятельности: воскресные школы, устроенные в каждом селе, тематические народные чтения с «туманными картинками», перевод научно-популярных брошюр по разным отраслям знания на местные языки. Все эти меры, как поясняет Дзасохов, сделают «неизбежную ломку жизни... более безболезненной и продуктивной» [5, с. 224–225].

Таков главный вывод из работы общественной мысли Осетии в начале XX века – аргументация позитивной мотивации горцев к усвоению русского языка. Народы Кавказа самой жизнью поставлены перед необходимостью скорейшей адаптации к сложившимся социально-политическим, хозяйственно-экономическим и социокультурным реалиям. Движение к прогрессу возможно только путем приобщения к русской и европейской культуре, формирования общегражданской идентичности на основе русского языка. Но чтобы не потерять собственное национальное лицо, в этом движении к гражданскому универсуму необходимо сберечь родной язык – ядро национальной культуры, хранителя народной души. В условиях отсутствия государственной поддержки сохранение родного языка, возвращение ему воспитательных и педагогических функций в процессе подготовки к будущей жизни подрастающих поколений становится императивом культурной деятельности национальной интеллигенции и лейтмотивом публицистического дискурса начала XX в.

Литература

1. Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30–77.
2. Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1907. 164 с.
3. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб.: Воен. тип., 1870. 120 с.
4. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.
5. Дзасохов Г. К ревнителям просвещения инородцев // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5. С. 222–225.
6. Дзасохов Гр. Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // Казбек. 1904. № 1878.
7. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. I. 529 с.
8. Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. 296 с.
9. Миропиев М. О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. С. 225–230.
10. Научный архив СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. LXII. Отд. 1-е. № 44748.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XVII. № 13792.
13. ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808.
14. ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. №27646.

15. Саукудз. Кое-что о письменности среди осетин и других горцев Кавказа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 75-79.
16. Уруймагов Х. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 1909. № 3427.
17. Уруймагов Х. Туземный язык в начальных школах Кавказского края // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 104.
18. Фарфоровский С. Народное образование у осетин // Терек. 1917. № 5709.
19. Цаголов Г. Осетинская письменность (Историческая справка) // Терские ведомости. 1915. № 248.

References

1. Bzarov R.S. Ocherki istorii osetinskoj shkoly (Essays on the history of the Ossetian school) // Istoriko-filologicheskii arkhiv. 2005. No. 3. P. 30–77 (In Russian).
2. Vsepoddanneishaya zapiska ob upravlenii Kavkazskim kraem general-ad»yutanta grafa Vorontsova-Dashkova (Most obedient note on the administration of the Caucasus region by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov). St. Petersburg: Gos. tip., 1907. 164 p. (In Russian)
3. Vsepoddanneishii otchet glavnokomanduyushchego Kavkazskoyu Armieyu po voenno-narodnomu upravleniyu za 1863-1869 gg. (The Most Submissive Report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on the military and people's administration for 1863-1869). St. Petersburg: Voenn. tip., 1870. 120 p. (In Russian)
4. Vsepoddanneishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom general-ad»yutanta grafa Vorontsova-Dashkova (Most obedient report on the eight years of governance of the Caucasus by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov). St. Petersburg: Gos. tip., 1913. 36 p. (In Russian)
5. Dzasokhov G. K revnitelyam prosveshcheniya inorodtsev (On the zealots of enlightenment of indigenes). Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh (Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians). Tskhinvali: Iryston, 1991. Book 5. P. 222-225. (In Russian)
6. Dzasokhov Gr. Obrazovatel'noe i vospitatel'noe znachenie otechestvennogo yazyka (Educational value of the national language). Kazbek. 1904. No. 1878. (In Russian)
7. Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR: S drevneishikh vremen do nashikh dni. V 2-kh t. Izd. 2-e (History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic: From ancient times to the present day. In 2 volumes. 2nd. ed.). Ordzhonikidze: Ir, 1987. Vol. I. 529 p. (In Russian)
8. Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik materialov po istorii narodnogo obrazovaniya v Osetii (Materials on the history of the Ossetian people: Collection of materials on the history of public education in Ossetia). Vol. V. Ordzhonikidze: Gos. izd-vo Sev.-Oset. ASSR, 1942. 296 p. (In Russian)
9. Miropiev M. O primenenii shkol'noi sistemy N.I. Il'minskogo na Kavkaze (On the application of N.I. Il'minsky school system in the Caucasus). Trudy osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev. St. Petersburg: Tip. E. L. Porokhovshchikovi, 1905. P. 225-230. (In Russian)
10. Nauchnyi arkhiv SOIGSI (NOIHSS Scientific Archive). F. 10. Inv. 1. D.70. (In Russian)
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii. Sobranie 2-e (PSZ-II) (Complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd collection (CCLRI-II)). Vol. LXII. Part 1. No. 44748. (In Russian)
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii. Sobranie 3-e (Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd collection). Vol. XVII. No. 13792. (In Russian)
13. PSZ-II (CCLRI-II). Vol. XLVIII. Part 2. No. 52808. (In Russian)
14. PSZ-II (CCLRI-II). TVol. XXVIII. Part 1. No. 27646. (In Russian)
15. Saukudz. Koe-chno o pis'mennosti sredi osetin i drugikh gortsev Kavkaza (Something about writing among Ossetians and other highlanders of the Caucasus) // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Book 2. Tskhinvali: Iryston, 1982. P. 75–79. (In Russian)
16. Uruimagov Kh. Zhelatel'nye uluchsheniya tserkovnoi shkoly v Severnoi Osetii (Desirable improvements of the church school in North Ossetia). Terek. 1909. No. 3427. (In Russian)
17. Uruimagov Kh. Tuzemnyi yazyk v nachal'nykh shkolakh Kavkazskogo kraja (Indigenous language in primary schools of the Caucasian region) // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Book 2. Tskhinvali: Iryston, 1982. P. 104. (In Russian)
18. Farforovskiy S. Narodnoe obrazovanie u osetin (Public education among Ossetians) // Terek. 1917. No. 5709. (In Russian)
19. Tsagolov G. Osetinskaya pis'mennost' (Istoricheskaya spravka) (Ossetian writing (Historical reference)) // Terskie vedomosti. 1915. No. 248. (In Russian)

Сведения об авторах

Кобахидзе Елена Исааковна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова / elena_k11@mail.ru
 Адрес: д. 46, ул. Ватутина, 362025, Владикавказ, Российская Федерация.

Туаева Берта Владимировна – доктор исторических наук, проректор по научной, деятельности профессор кафедры новейшей отечественной истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова / ms.amaga@mail.ru

Адрес: д. 46, ул. Ватутина, 362025, Владикавказ, Российская Федерация.

Information about the authors

Elena I. Kobakhidze – Doctor of History, Professor, Chair of History and Theory of State and Law, North Ossetian State University named after K. Khetagurov / elena_k11@mail.ru
 The address: 46, Vatutina st., 362025, Vladikavkaz, Russian Federation.

Berta V. Tuueva – Doctor of History, Vice-rector, Professor, Chair of Recent Native History, North Ossetian State University named after K. Khetagurov / ms.amaga@mail.ru
 The address: 46, Vatutina st., 362025, Vladikavkaz, Russian Federation.